

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(37)

А. А. Бутин

Конструирование исторического пространства: ойкумена античности в представлении Корнелия Тацита. Часть II

Историческое пространство наряду с историческим временем является важнейшим атрибутом исторического повествования. Исследование данных категорий в исторических работах древности позволяет пролить свет на основы миропонимания представителей интеллектуальной элиты Древнего Мира.

Ключевые слова: Римская империя, Корнелий Тацит, историческое пространство, «свое – чужое» пространство, Запад, Восток, «римский космополитизм», «римский национализм».

А. А. Butin

Designing of Historical Space: Populated Universe of Antiquity in Representation of Cornelius Tacitus. Part II

The historical space as historical time is the main attribute of historical narration. Research of the given categories in historical works of antiquity allows to cast light on bases of representatives' world outlook of intellectual elite of the Ancient World.

Keywords: the Roman Empire, Cornelius Tacitus, historical space, "own-alien" space, the West, the East, "the Roman cosmopolitanism", "the Roman nationalism".

В предыдущей статье нами были охарактеризованы способы конструирования исторического пространства в сочинениях одного из ярчайших римских историков эпохи ранней империи – Корнелия Тацита. Мы обратили внимание на процесс переосмысления Тацитом коллективных древнеримских представлений о пространстве макро- и мезомира. В качестве значимых факторов индивидуализации восприятия пространства (выступающей, по сути, первым этапом конструирования исторического пространства Тацитом) нами были отмечены реликты республиканских ценностей историка, а также размышления о различных аспектах динамики исторического процесса в Древнем Риме. В результате были выявлены некоторые черты картины мира Тацита. В данной публикации мы обратим внимание на размышления историка о геополитических и социальных процессах в расширяющейся империи, в результате чего на страницах его произведений были сформированы геополитические и этнические образы пространства. Это может свидетельствовать о произошедшей концептуализации исторического пространства в сознании Тацита

(что составляет второй и завершающий этап процесса его конструирования).

Тема коммуникации римлян с другими народами занимает весьма значительное место в исторических и историософских рефлексиях Тацита. Имея в виду важность для мифологического мышления человека Древнего Мира оппозиции «свое – чужое» пространство, и в то же время очевидный исторический детерминизм мировоззрения Тацита, тему «римляне и другие народы» можно интерпретировать как вариант трактовки данной дихотомии.

Корнелий Тацит в своих произведениях преисполнен веры в главенствующее положение римлян в известном им мире, что, по его мнению, было предопределено божественной волей: «Богам... более угодно, чтобы решение, что жаловать, а что отнимать, оставалось за римлянами, и они не терпели над собой иных судей, кроме самих себя» [7, XIII, 56], то есть даже боги не могли судить римлян за их воинственность и экспансионизм. Один из элементов сакрального «центра» мироздания римлян – Капитолийская крепость – воспринимается им как неприступная твердыня по топографическим и строительным

критериям [10, III, 78], что, видимо, подкреплялось его верой в богоизбранность римлян и в несокрушимую мощь военной машины римского государства. Это положение «хозяев вселенной» должно было проявляться у римлянина во всем, даже в одежде, поэтому военачальник императора Вителлия Алиен Цецина, одетый как галл, разговаривая с облаченными в тогу римлянами, по мнению Тацита, наносил им тем самым оскорбление, так как он позволил себе ставить варварские обычаи выше римских [10, II, 20]. Представления Тацита о сакральном «центре» дополняются пониманием роли принцепса в мире как *regum dominum* («владыки мира», как он называет Веспасиана) [13, II, 78].

Отношение историка к ближайшему пространству вокруг «центра» (то есть к пространству Италии) также нельзя характеризовать с коннотацией безразличности или враждебности. Это видно уже из перечисления бедствий в Италии в начале его «Истории». Описываемая Тацитом эпоха, когда случались пожары и в Риме, и, в том числе, вследствие поджогов, устроенных самими горожанами, не пощадила и жителей Италии. Она пережила «беды», «каких... не знала никогда или не видела с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом» [10, I, 2]. Следовательно, Тацит переживал о несчастьях Италии не меньше, поскольку уже с начала I в. до н. э. Италию не воспринимали отдельно от Рима. Таким образом, помимо территории Рима, «своим» для историка являлось и пространство Италии.

«Свое» пространство у Тацита оказывается окруженным образами «чужого» пространства – мало ему известного, но вызывающего чувства недоверия и враждебности. Например, его образ варварского Запада характеризуется следующими имплицитными установками. Один из признаков варварства для Тацита – отсутствие у народа систематических знаний об окружающем мире: «Вопросом о природе его [то есть янтаря. – А. Б.] и как он возникает, они [германцы. – А. Б.], будучи варварами (*ut barbaris*), не задавались и ничего об этом не знают» [12, 45; 8, 45]. Тацита раздражает и культовая составляющая жизни германцев: «От имени всего племени отправляют жуткие таинства своего варварского обряда» [8, с. 39].

Еще один признак варварства дается у Тацита на примере британцев – это неупорядоченность, стихийность принятия решений в народном собрании. «На эту речь, принятую ими с воодушев-

лением, – пишет историк о народном собрании у британцев, – они ответили, по обыкновению варваров, воплями, пением и разноголосыми выкриками» [9, с. 33]. В этой цитате читается косвенное противопоставление способов принятия решений у британцев и римлян республиканской эпохи. На ту же анархичность общественной жизни варваров историк намекает, когда говорит о подданных отношениях с варварскими племенами: «Варвары более склонны просить из Рима царей, чем жить под их властью» [7, XII, 14].

Образ варварских народов дополняется у Тацита указаниями на отсутствие у них признаков цивилизации. Например, о фракийских племенах он пишет, что они "*qui montium editis inculti*" – обитали «среди гор, как дикари» [11, IV, 46]. Варвары также имели, по его мнению, недостойный моральный облик: Италик – потомок царей племени херусков – угождал своему племени «чаще бражничаньем и разгулом, что по душе варварам» [7, XI, 16].

Историк считает положительным лишь два атрибута варварства – военную доблесть и мужество. По его сведениям, галлы и британцы в глубоком прошлом славились доблестью, но «с той поры, как у них установилось спокойствие, и вместе со свободой ими было утрачено мужество, угасла и их воинственность» [9, с. 11].

Образ Востока у Тацита образуют две составляющие: представления о восточном деспотизме и его мнению об уровне цивилизованности самих восточных народов. Свое понимание сущности восточного деспотизма Тацит вкладывает в уста предводителя антиримского восстания племени батавов Цивилиса: "*Servirent Syria Asiaque et suetus regibus Oriens*" («Пребывающие в рабстве Сирия и Азия, привыкший быть послушным Востоку») [13, IV, 17]. Таким образом, Восток для Тацита – это пространство несвободы, «рабства», существования народов, чуждых республиканским идеалам историка. На образ императора Тиберия Тацит экстраполирует свои представления о моральном облике восточного деспота: Тиберий, «подобно восточному деспоту, осквернял грязным развратом свободнорожденных юношей» [11, VI, 1].

Столь же негативны и реплики историка относительно рядовых обитателей восточных провинций, хотя рядом могут соседствовать данные о богатых природных ресурсах этих стран. Так, о Египте он пишет, что эта провинция богата хлебом, но там «царят суеверия и распущенность,

незнакомые с законами и правильным государственным устройством жители склонны были к волнениям и мятежам» [10, I, 11]. «Доступность, ласковость и доброжелательность – добродетели [Вонона, правителя Парфии. – А. Б.], неведомые у парфян, были, на их взгляд, не более чем пороками» [7, II, 2]. Армяне же, по мнению Тацита, никогда не были склонны к надежности [7, II, 56]. В этих словах видны существовавшие в менталитете Тацита многочисленные предрассудки относительно нравов восточных народов. Однако все рекорды по числу «пороков» побили у него евреи.

По мнению историка, Моисей дал евреям религию, враждебную всему миру: «Иудеи считают богопротивным то, что для нас священо, и, наоборот», «обряды, введенные Либером [древнеиталийский бог плодородия, позднее отождествленный с Вакхом. – А. Б.], торжественны и радостны, обычаи же иудеев бессмысленны и нечисты» [10, V, 4–5]. Кроме того, Тацит свидетельствует о том, что сирийский царь Антиох IV «пытался было искоренить столь распространенные среди них [евреев. – А. Б.] суеверия и ввести греческие обычаи, дабы хоть немного улучшить нравы этого мерзкого племени» [10, V, 8]. Крайнее недоверие вызывают у историка правила внутренней жизни еврейского народа: многие их «установления, мерзкие и гнусные, стоят на нечестии, которая царит у иудеев... иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим смертным враждебны и ненавидят их» [10, V, 4–5]. Даже сама история евреев не вызывает у Тацита уважения: «Пока Востоком правили ассирийцы, мидяне и персы, иудеи были самым жалким из подвластных им народов» [10, V, 8]. Таким образом, евреи для Тацита – это враждебный народ, абсолютно не поддающийся исправлению.

Стоит, однако, заметить, что историк благосклонно относился к материальному наследию восточных цивилизаций, поэтому у него нередко можно встретить пафосные сентенции вроде *famosae urbis* («блистательный город» – об Иерусалиме) [13, V, 2] и *"veterum Thebarum magna vestigia"* («великие следы древних Фив») [11, II, 60, 61].

Несколько особняком в образе восточной ойкумены эпохи античности стоят у Тацита представления о греках. Последние, как известно, во многом считаются учителями римлян, и «ученики» при всем своем «шовинизме» не могли насыщать образ «учителей» однозначно негативным содержанием. Такие эпитеты Тацита, как

«греческая угодливость» (*caelestes honores Graeca adulatio tribuerat* – «небесные почести воздала греческая угодливость») [11, VI, 18], а также «праздность и разнузданность греков» (*desidiam licentiamque Graecorum*) [13, III, 47], соседствуют у него с положительными характеристиками этого народа (*Graeca facilitate* – «греческая щедрость» [11, XIV, 47]). Следовательно, являясь одним из элементов образа Востока, Греция все-таки не избежала у Тацита негативных оценок. Впрочем, подобные реплики являются реакцией историка на распространение всего греческого, которое, по его мнению, не всегда выглядело достойным римлянина.

Итак, набор геополитических и этнических образов исторического пространства в сочинениях Корнелия Тацита является достаточно разнообразным. «Свое» пространство в его картине мира оказывается зажатым между варварским Западом и рабским и деспотичным Востоком. Окаймляющая мир «периферия» воспринимается им не иначе как враждебное, оппозиционное «центру» пространство. Такое разнообразие восприятия различных частей античной ойкумены подводит к постановке проблемы их взаимодействия друг с другом.

Данной проблеме значительное место отвел Г. С. Кнабе [2] в своей статье об историческом пространстве и историческом времени в сознании интеллектуальной элиты республиканского и императорского Рима. В ней на материале художественных и исторических текстов он делает вывод о наличии в сознании римлян дуализма шовинистических и космополитических тенденций. В связи с этим в круг наших задач входит поиск в сочинениях Тацита информации о взаимоотношениях римлян с окружающими их народами в эпоху ранней империи и авторской интерпретации этой проблемы, на основе чего необходимо будет подтвердить, опровергнуть или дополнить уже имеющиеся в отечественной историографии античности выводы.

Прежде всего, необходимо остановиться на определениях понятий «космополитизм», «шовинизм», а также обратиться к связанному с последним термину «национализм», которые нередко встречаются в сочинениях Г. С. Кнабе и других современных историков. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой называет следующие их значения. Космополитизм – идеология так называемого «мирового гражданства», ставящая интересы человечества выше интересов отдельной нации [5, с. 299]. Национализм –

идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим [5, с. 398]. Шовинизм – крайний национализм, проповедующий национальную и расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть [5, с. 899].

В политических словарях обнаруживаются следующие определения. Шовинизм (фр. *chauvinisme*) – разновидность националистической политики, содержанием которой выступает распространение ненависти и вражды к другим нациям и народностям. Национализм (от лат. *patio* – нация, народ) – идеология, основанная на пропаганде национальной исключительности и национального превосходства, а также политика, реализующая националистическую идеологию [6]. Космополитизм (греч. *kosmopolites* – гражданин мира) – теория, проповедующая отказ от национального начала в политике во имя единства человеческого рода, идеи «мирового гражданства» под лозунгом «человек – гражданин мира» [1].

Итак, как следует из приведенных определений, шовинизм есть крайнее выражение националистической политики: если ядром национализма является пропаганда национальной исключительности и противопоставление своей и чужих наций, то шовинизм акцентирует внимание на политике разжигания национальной ненависти. Идеология космополитизма определяется как политика, нацеленная на интеграцию мира и создание «мирового государства».

Проанализируем теперь фрагменты из произведений Тацита для того, чтобы узнать, подходят ли три данных термина к его историческому сознанию. Агрессивные проявления поведения римлян, помимо известной воинственности, можно проследить на следующих примерах.

Представители других народов должны были служить Риму. Широко известны факты того, что провинциалы отбывали воинскую повинность в римской армии [10, II, 14], причем не только на положении «пушечного мяса», но и в качестве ответственных лиц. Например, в обычае у римской знати было держать гонцов-нумидийцев [10, II, 40]. Господство римлян над «чужими» никогда не оспаривалось Тацитом, например, в уста Цериала (который в 61 г. был командиром легиона в Британии) он вкладывает свои представления о праве римлян считать себя собственниками всего того пространства, которое их окружает. Цериал перед решающим сражением с уверенностью

говорит: "Ut suam ripam, sua castra" («Так что этот берег ваш, и ваши эти лагерь») [13, V, 16].

Удачная война для римской элиты – это козырь в политической борьбе. Домициану – римскому императору с 81 по 96 г. – окружение советовало «показать окружающим народам принципат во всем его величии и мощи» [10, IV, 85], то есть продемонстрировать воинственность римской элиты, оказавшейся не безразличной и Тациту. Облеченное в весьма пафосную форму оправдание уничтожения варваров мы видим на примере описания истребления германского племени бруктеров. Боги римлян «удостоили их чести» созерцать истребление этого германского племени: "Quod magnificentius est, oblectatione oculisque ceciderunt" («Великолепнее всего, что [враги] погибли, услаждая наши взоры») [12, с. 33]. В данной цитате видится не только проявление типичной римской интенции – чувства эстетического наслаждения от сцен насилия и смерти (ее существование подробно обосновал и доказал А. Ф. Лосев [3, с. 54–59]), но и свидетельство наличия агрессивных элементов в историческом сознании Тацита.

В то же время, у Тацита есть свидетельства миролюбивого настроения к некоторым окружающим народам как его самого, так и римлян в целом. «Римское государство, – размышляет историк, – настолько пресыщено славой, что желает спокойствия даже чужеземным народам» [11, XII, 11]. «Спокойствие» в отношениях с другими народами достигалось римлянами с помощью подчинения их себе и насаждения на их территории элементов своей цивилизации.

Тацит приводит немало примеров такого «освоения» завоеванного пространства. Римляне насаждали свою политическую систему в восточных провинциях, в частности, историк упоминает о существовании префекта Египта [10, II, 74]. Именно римлянам германцы были обязаны своим умением возводить каменные строения [8, 16]. Агрикола же «настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов» [9, 21], что Тацит считает огромной заслугой своего тестя. Таким образом, наблюдается стремление к «привитию» римской культуры к культуре завоеванных народов, причем на их – завоеванных территориях. Кстати, Тацит считает, что это «освоение» шло непременно на пользу завоеванным народам: «Когда вместе с остальным миром (*cum cetero orbe*) Веспасиан получил в свою власть и Британию, все в ней стало иным: бле-

стящие полководцы, превосходное войско» [14, 17; 9, 17].

Однако многое римляне брали себе. Сенатор Фермилий Кат склонил своего друга Либония «к увлечениям предсказаниями халдеев, таинственными обрядами магов и снотолкователями» [7, II, 27], а солдаты-преторианцы, по обычаю, усвоенному в Сирии, утром приветствовали восходящее солнце [10, III, 24]. Кроме того, в Риме наблюдается присутствие египетских жрецов: Домициан во время пожара на Капитолии смешался с их толпой [10, III, 74]. Таким образом, некоторые культовые традиции Востока прижились среди римского народа. Из греческой цивилизации римляне позаимствовали элементы образования: «Нерон освятил гимнасий и с греческою щедростью выдал оливковое масло всадникам и сенату» [7, XIV, 47]. Таким образом, в результате римского завоевания произошел кросскультурный синтез римской, западной и восточной цивилизаций, при естественном абсолютном доминировании первой.

Теперь обратим внимание на отношение Тацита к этому явлению. Само по себе повествование историка о культуре и традициях других народов является наглядной иллюстрацией этого синтеза. Например, он говорит о богах того или иного народа, нарекая их римскими именами: германский бог грома Донар назван Геркулесом, Вотан – Меркурием, Циу – Марсом [8, с. 9], Геркулесом же назван иранский бог Веретрангу (по другой версии – ассирийский бог Сандана) [7, XII, 13]. Германские обычаи он пытается объяснить путем сопоставления их с римскими, в частности, щит и фремаю – традиционное оружие древних германцев, – вручавшихся германскому юноше в народном собрании, он называет «их тогой» (illos toga) [12, с. 13].

Интересные сведения можно получить из противопоставления Тацитом римлян и других народов, в ходе которого он уже не допустил в своем тексте категорично отрицательного отношения к «чужим». Убежденный в крайней испорченности нравов римлян, Тацит провозглашал не только цивилизаторскую миссию Рима. Британцы, через изучение латыни, по его мнению, переняли их пороки, «пристрастившись к портикам, термам и изысканным пиршествам» [9, с. 21].

Вдобавок к этому, Тацит в своих работах периодически отпускает лестную похвалу в адрес нравов других народов, что передает его негативное отношение к нравам римлян. О германцах он пишет следующее: «Как ограждается их це-

ломудрие, и они живут, не зная порождаемых зрелищами соблазнов, не развращаемые обольщениями пиров... У столь многолюдного народа прелюбодеяния крайне редки» [8, 19]. Также он положительно отзываясь об их гостеприимстве [8, с. 21]. Их экономическая жизнь немало импонирует Тациту, ведь, по его мнению, незнание ростовщичества оберегает германцев надежнее, чем его запрещение. Даже германскому погребальному обряду историк отдает предпочтение перед римским [8, с. 27]. Необходимо признать, что именно в последнем ярче всего проявляется космополитическая интенция его сознания. Даже в ходе описания военных баталий Тацит может восхититься нравами врагов: «Британцы ведут эту войну, защищая родину, жен и близких, римляне – побуждаемые алчностью и распутством» [9, с. 15].

Однако, как бы ни критиковал Тацит римские нравы, он не отрицал величия римского народа. «Императорский Рим, – писал в свое время А. Ф. Лосев, размышляя об исторической роли Рима в античной культуре, – осознает свое глубочайшее назначение, состоящее в том, чтобы объединить и синтезировать мир» [3, с. 12]. С этим невозможно не согласиться, ведь цитируемый философ очень точно охарактеризовал здесь суть римского «космополитизма». Но к этому необходимо добавить, что «космополитизм» Тацита воинственен по природе своей: историк, конечно, не ставил своей целью пропаганду тотального уничтожения «чужих», но он видел предназначение римлян в том, чтобы, завоевав их, сделать из них покорных слуг «народа римского», навязать им свою «цивилизованность», взяв в благодарность за это из их культурного наследия что-то и себе.

Агрессивную же сторону исторического сознания Тацита можно характеризовать скорее в русле идеологии национализма, нежели шовинизма, поскольку в его интерпретации процесса диалога римской цивилизации с Западом и Востоком акцент делается на идее генетического, природного (но не морального) превосходства римлян над другими народами. Собирательный образ Запада в его произведениях – это образ дикарей, еще не осознавших потребность в государстве, не знающих окружающего их мира, не способных к строительству «цивилизованной» жизни. Образ Востока Тацит рисует не менее темными красками: Восток – это царство деспотизма и поголовного рабства, «суеверий и распущенности», многочисленных пороков и потен-

циальных мятежников. Поэтому, вероятно, есть необходимость термин «римский шовинизм» изменить на «римский национализм». Данные интенции сознания Тацита дополняются антисемитской окраской, проявляющейся в крайне враждебной характеристике евреев. По мнению исследователей [4, с. 152], эпоха Траяна и Адриана является пиком античного антисемитизма; творчество Тацита, видимо, следует характеризовать как яркое проявление этого.

Библиографический список

1. Василик, М. А. Политология: Словарь-справочник [Текст] / М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М., 2001.
2. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима [Текст] / Г. С. Кнабе // Культура Древнего Рима. Т. II. – М., 1985. – С. 108–166.
3. Лосев, А. Ф. Эллинистически-римская эстетика [Текст] / А. Ф. Лосев. – М., 2010.
4. Лурье, С. Антисемитизм в древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. 2-е изд., исправленное и дополненное [Текст] / С. Лурье. – М., 2009.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1997.
6. Словарь по политологии [Текст] / отв. ред. В. Н. Коновалов. – Ростов н/Д, 2001.
7. Тацит. Анналы // Публий Корнелий Тацит. Анналы. История [Текст] / перев. с латинского А. С. Бобовича, редакторы перевода Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко. – М., 2005.
8. Тацит. Германия [Текст] // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2: История / перевод А. С. Бобовича, редактор перевода М. Е. Сергеенко. – СПб., 1993.
9. Тацит. Жизнеописание Агриколы [Текст] // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2: История / перевод А. С. Бобовича, редактор перевода М. Е. Сергеенко. – СПб., 1993.
10. Тацит. История // Публий Корнелий Тацит. Анналы. История [Текст] / перевод Г. С. Кнабе, редактор перевода М. Е. Грабарь-Пассек. – М., 2005.
11. С. Cornelii Taciti. Annalium // С. Cornelii Taciti. Opera Quoad extant. Tomus I. Lipsiae, 1846.
12. С. Cornelii Taciti. Germania // С. Cornelii Taciti. Opera Quoad extant. Tomus II. Lipsiae, 1846.
13. С. Cornelii Taciti. Historiarum // С. Cornelii Taciti. Opera Quoad extant. Tomus II. Lipsiae, 1846.
14. С. Cornelii Taciti. Iulii Agricolae vita // С. Cornelii Taciti. Opera Quoad extant. Tomus II. Lipsiae, 1846.